

Поначалу Цюй Гуй, отец Цюй Сяньяо, спешно примчавшийся сюда, был уверен, что застанет сына жестоко избитым двоюродным братом. По дороге он всё думал: если мальчишки и правда сцепились не на шутку, как ему их разнимать.

Как-никак они родные кузены, а если переборщить в драке, потом, поостыв, и отношения легко испортить.

Кто бы мог подумать, что, оказавшись у двери комнаты Лу Яня, он увидит совсем другую картину: братья мирно беседуют, да ещё и услышит под конец от Лу Яня:

— Когда вернёшься, я заранее назначу тебя следующим-последующим настоятелем.

Выйдя из комнаты кузена и шагая с отцом по той же дороге, по которой только что пришли, Цюй Сяньяо заметил, что у того всё это время мрачное лицо и вид крайне недовольный. Он не удержался и попытался успокоить его:

— Пап, ты не переживай. Даже если мы и правда уйдём в монахи, мы с братцем не собираемся быть монахами всю жизнь. Максимум лет двадцать — и мы оба вернёмся домой. Так что не волнуйся, без наследника семейное дело не останется.

Подумаешь, двадцать лет. Через двадцать лет ему будет всего-то тридцать два-тридцать три — самый расцвет для мужчины. Силы в зените, годы золотые. Если за эти двадцать лет он, с головой уйдя в выращивание цветов, не забросит учёбу, то всё будет в порядке. Цюй Сяньяо мыслил очень просто.

Но лицо Цюй Гуя по-прежнему оставалось мрачным.

Цюй Сяньяо украдкой глянул на него ещё пару раз и добавил:

— А если вам с мамой кажется, что двадцать лет — это всё-таки слишком долго, то, когда вернёмся, вы можете попробовать завести второго. Я, в принципе, не против...

Сейчас Цюй Гую совсем не хотелось разговаривать, потому что его мысли странным образом совпали с тем, что недавно думал Лу Янь. Ему всё сильнее казалось, что у сына, которого он растил столько лет, в голове будто не хватает какой-то одной очень важной шестерёнки.

Да при чём тут второй ребёнок?! Что ты вообще несёшь?!

Минут пять-шесть они шли молча. Когда впереди уже смутно замерцал свет из жилых покоев, Цюй Гуй вдруг вздохнул, потёр переносицу и устало спросил:

— Сяньяо, скажи честно: что такого есть на этой горе Утай, что так тянет вас обоих?

Что вы готовы так легко отдать двадцать лет жизни ради затеи, которая для всех остальных выглядит таким нелепым фарсом.

Цюй Сяньяо не хотел отвечать.

Плечи подростка ещё слишком хрупки, а он уже хочет взвалить на себя целый мир.

Душа подростка ещё слишком юна, а он уже мечтает смотреть в лицо звёздному морю.

Последнее время Цюй Сяньяо всё время видел один и тот же сон: он идёт, прижимая к груди целую охапку цветов, и проходит мимо всех родных. На отцовский стол ставит ромашку с ещё не высохшей утренней росой, матери вплетает в волосы алую розу. Чай с жасмином и бамбуковыми листьями наверняка пришёлся бы по вкусу дедушке по материнской линии. А потом он идёт дальше, и в руках у него остаются только два последних цветка.

Самый некрасивый он отдаёт кузену, а последний оставляет себе.

Если у меня есть счастье, если моё счастье можно воплотить в чём-то зримом, я хочу разделить его на бесчисленное множество равных частей и отдать каждому, кто мне дорог.

Если такую красоту и правда можно сделать реальностью, что значат какие-то двадцать лет? Они станут самыми стоящими двадцатью годами в моей жизни!

Только что переживший переходный период, он слишком хорошо понимал, что значит сперва обрести надежду, а потом снова её потерять — когда кажется, будто весь мир вдруг меркнет.

Тогда, только-только постигнув «улыбку от созерцания цветка», он слишком разволновался и по неосторожности позволил кузену выудить из себя правду. Но потом, всё обдумав, Цюй Сяньяо решил: пока дело не доведено до конца, о цветах лучше никому больше не рассказывать.

Он не хотел, чтобы близкие ещё раз испытали то чувство, когда надежда рушится. Лучше уж дожидаться, пока всё получится, и только тогда открыть семье всю правду. Вот тогда все будут счастливы.

На лице юноши постепенно проступило выражение горячей, отчаянной решимости.

Пусть все эти муки и тяготы мы с кузенком вынесем вдвоём, подумал Цюй Сяньяо, подняв лицо к небу под углом в сорок пять градусов и слегка покрасневшими глазами.

Цюй Гуй всё сильнее хмурился. Этот паршивец с таким видом стоит — будто нарочно кричит каждому встречному, что дело тут нечисто.

Если бы эти двое просто вдруг загорелись какой-то блажью — ещё ладно. Страшно другое: а вдруг ими кто-то воспользовался? Вдруг кто-то, враждебный семьям Лу и Цюй, намеренно их направил или ввёл в заблуждение? Ход ядовитый: одним ударом вывести из строя сразу двух наследников.

Приняв решение, Цюй Гуй, невзирая на отчаянно сопротивляющийся взгляд сына, вернулся с ним в комнату и допрашивал его чуть не до самой глубокой ночи.

В конце концов Цюй Сяньяо пал под натиском отцовских угроз, уговоров и всевозможных психологических атак. Его воля рушилась слой за слоем, и всё же кое-что Цюй Гую удалось из него вытянуть.

С покрасневшими глазами — видно было, что во время допроса его всё-таки довели до слёз, — Цюй Сяньяо под суровым, непривычно жёстким взглядом отца начал объяснять:

— Всё началось... с одного цветка.

С цветка?

Цюй Гуй нахмурился и одним взглядом велел сыну продолжать.

Когда тот договорил, Цюй Гуй даже начал подозревать, что мальчишка на ходу сочиняет сказку, лишь бы его отвлечь.

Мутировавший цветок, способный облегчать ангедонию? Чистейшая небылица.

Но факты не оставляли Цюй Гую возможности не верить, потому что этот цветок сейчас был у Цюй Сяньяо в руках — тот прижимал его к себе, как величайшее сокровище, а потом, поколебавшись, протянул отцу.

Цюй Гуй медленно протянул руку.

Минута, две, десять, полчаса...

Цюй Гую казалось, что весь его взгляд на мир только что заново собрали с нуля.

Он так и сидел, ошеломлённо вытянув руку вперёд, всё ещё касаясь пальцами цветка.

Долгое время спустя...

— Пап! Ты чего плачешь?! — вскрикнул Цюй Сянъяо.

Я... плачу?

Цюй Гуй машинально провёл ладонью по лицу и уставился на влажные пальцы.

И правда. Я, взрослый мужик, с чего это вдруг расплакался?

Под конец он только горько усмехнулся:

— Твоя мать плакала, когда слушала детские песенки, а я ещё над ней смеялся. Хорошо, что её сейчас здесь нет.

Он не мог описать то чувство, которое только что без всякой причины заполнило все его ощущения. Это не было ни бурной радостью, ни тем безудержным хохотом, как в старых боевиках про уся, когда человеку будто бы ткнули в «точку смеха».

Скорее, это было чем-то вроде далёкого зова, пришедшего к нему через десятки лет. Будто в одно мгновение его тело вдруг вернулось в детство, на весеннюю прогулку, когда весь склон горы был покрыт полевыми цветами.

Учителя бежали сзади и кричали детям, чтобы те не носились так быстро и не упали. Но те, как выпущенные на волю цыплята, ничего не слышали — только с визгом зарывались в цветы, а потом, когда учитель подходил ближе, внезапно выныривали перед ним.

И среди солнечного света и пряного цветочного запаха появлялось детское, ещё совсем нежное лицо, может быть, с лепестком, прилипшим к щеке, — и улыбалось так чисто, так беззаветно.

В ту ночь произошло многое.

Например, цветок Цюй Сянъяо под неусыпным присмотром Цюй Гуя срочно отправили в одну из лабораторий, принадлежавших семье Цюй, — на самое тщательное исследование.

Например, дед Лу Яня, получив звонок от зятя, схватил трость, с неожиданной прытью выскочил наружу и велел сыну с невесткой подвесить внука вниз головой на дереве во дворе храма. Когда его снимут, он не сказал — просто вернулся спать.

Только телефон, который старик вопреки обыкновению не отложил от уха, выдавал, что на

душе у него вовсе не спокойно.

На следующий день под вечер старик принял звонок от Цюй Гуя.

Хотя сотрудники лаборатории и ворчали про себя, недоумевая, с какой стати им среди ночи пришлось выходить на работу ради исследования одного-единственного цветка, да ещё и в перчатках, которые запрещалось снимать на всём протяжении процедуры, причём сам цветок нельзя было даже слегка повредить, — это никак не мешало им выдать самый точный результат.

— Результаты генетического анализа показывают: это самый обычный дикий мелкий цветок рода маргариток семейства астровых.

Ни старик Лу, ни Цюй Гуй такому результату не удивились. Современная наука перед ангедонией была бессильна — более того, у неё не было даже намёка на разгадку.

Так что в том, что мутировавший цветок, способный сдерживать ангедонию, не показал никаких отклонений на существующих приборах, не было ничего странного.

И всё же и Цюй Гуй, и старик семьи Лу прекрасно понимали: это вовсе не обычный цветок.

Он означал надежду.

Ведь если смог вырасти один, значит, смогут вырасти второй и третий, разве не так?

Пусть такие цветы редки, но ведь не может же быть, что он единственный во всём мире... верно?

Никто из посвящённых не хотел даже думать об этом страшном предположении.

Семья Линь

Ещё издалека Линь Хань закричал:

— Фэйфэй! Фэйфэй, скорее иди посмотри, у тебя сегодня утром все цветы распустились!

Когда вчера все вместе ходили любоваться цветами, в цветниках фруктового сада ещё оставалось немало бутонов. Но всего за одну ночь будто кто-то нажал кнопку ускорения — и теперь все они дружно раскрылись.

Малыш вместе со своим младшим братцем Яояо, держась за руки, выбежал наружу. Услышав это, Линь Яо радостно захлопал в ладоши — казалось, он обрадовался даже больше самого Фэйфэя.

— Братик Фэйфэй, пойдём посмотреть цветы!

С тех пор как Линь Яо дорос до возраста детского сада и стал ходить туда вместе с Фэйфэем, эти двое малышей каждый день вместе отправлялись туда и вместе возвращались, и Линь Яо привязался к своему братцу Фэйфэю ещё сильнее.

В больших круглых глазах Фэйфэя тоже вспыхнуло удивление и радость. Он уже собирался бежать к фруктовому саду, но тут вдруг что-то вспомнил, просунул из двери гостиной пушистую макушку и обратился ко всем в доме:

— У Фэйфэя все цветы распустились. Хотите ещё раз пойти посмотреть?

Твоя маленькая прелесть снова внезапно появилась.jpg

Линь Линь глубоко считал вчерашнее любование цветами невероятно удачной затеей: все вместе посидели, попили чаю, полюбовались цветами, а ещё поели фруктов, которые Фэйфэй сам сорвал, сам вымыл и сам скормил каждому в рот. Поездка определённо стоила того. Поэтому на повторное приглашение Фэйфэя он откликнулся с исключительным энтузиазмом:

— Идём! Фэйфэй, подожди чуть-чуть, я на кухню загляну — посмотрю, есть ли готовые пирожные, прихватю немного.

Сказав это, он направился в сторону кухни.

Оставшиеся в гостиной тоже ещё не успели остыть после вчерашних впечатлений, так что с удовольствием приняли приглашение.

Выходя, Линь Цзинли ещё и успел обратиться к малышу с просьбой:

— Фэйфэй, дядя и в этот раз хочет поесть винограда, который ты помоешь.

Фэйфэй тут же похлопал себя по груди, как бы говоря: оставь это Фэйфэю.

Постепенно желающих становилось всё больше. И как вчера, целая шумная компания снова двинулась в сторону фруктового сада.

Линь Линь шёл впереди всех, неся в руках две большие корзины — вид у него был такой, будто

все отправились не в сад, а на пикник.

Добравшись до сада, все сначала немного полюбовались маленьким цветником Фэйфэя. Потом Линь Цзинли достал телефон и, спросив разрешения, обратился к малышу:

— Фэйфэй, дядя может сфотографировать твои цветы?

Малыш был щедр и великодушен. Услышав это, он даже с энтузиазмом подобрал для дяди особенно удачный ракурс и, поманив рукой, сказал:

— Дядя, фотографируй отсюда, здесь цветы очень красивые.

Щёлк.

Линь Цзинли сделал снимок, а следующим шагом стало, разумеется, выложить его в ленту друзей.

Возможно, прошлый пост не дал того эффекта, на который он рассчитывал, поэтому на этот раз Линь Цзинли даже специально добавил подпись:

□Цветы, которые вырастил Фэйфэй.□Фото#

Цюй Гуй достал телефон и, улучив момент, поставил Линь Цзинли лайк. Вообще-то они были не слишком близко знакомы — в основном Цюй Гуй общался с Линь Юйцином. Но лайк — это же базовая вежливость в интернете, он понимал.

Раз уж лайк уже поставлен, ничего не написать вроде бы тоже как-то не вполне завершённо. Значит, надо добавить пару слов.

□Цюй Гуй: Столько цветов, и все красивые.□

Ответ от Линь Цзинли пришёл удивительно быстро:

□Линь Цзинли ответил Цюй Гую: Это Фэйфэй сам вырастил, их тут даже слишком много.□

На словах — «слишком много», но даже через два экрана телефона Цюй Гуй уловил в этом какую-то тонкую, едва прикрытую похвальбу.

Фэйфэй — он знал, кто это. Не тот ли самый маленький племянник Линь Цзинли? И что значит «слишком много»? Разве это не завуалированное хвастовство тем, какой у них в семье способный ребёнок?

Цюй Гуй чуть скривил губы — в нём внезапно разыграло самолюбие. Ну и что, что у них ребёнок способный? Его сын разве хуже? Подумаешь, не вырастил цветок. Зато нашёл мутировавшую маленькую ромашку!

Один такой цветок стоит тысячи. Десяти тысяч ваших!

Автору есть что сказать:

Вот за эту твою уверенность тебя и ценим.

Поднимайте в общем чате сегодняшний тренд:

□Цюй Гуй — уверенность□

<http://bllate.org/book/13654/1602600>